

Апрель 1891

Однажды утром во время завтрака папа сказал:

— Слова на букву *С*, возможно, вызовут волнение ввиду фиктивной величины всевозможных вариантов.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы разгадать загадку.

— *Фиктивной* начинается на *Ф*, а не на *В*, — сказала я.

Папа не успел еще кашу проглотить — так быстро я ответила.

— Я думал, тебя слово *всевозможных* смутит.

— Оно тоже на *В* начинается и означает *различных*.

— Ответ принимается. Теперь скажи, какое определение тебе нравится больше всего, — папа протянул страницу черновика через кухонный стол.

Прошло три года после праздничного пикника в честь букв *А* и *В*, но они все еще работали над гранками для буквы *С*. Текст на странице уже напечатали, но некоторые строчки были зачеркнуты, а поля исписаны примечаниями папы. Если ему не хватало места, он приклеивал клочок бумаги к краю страницы и писал на нем.

— Мне нравится новый вариант, — сказала я, указывая на клочок бумаги.

— Что там написано?

— «Абы знать правду, пошли за юницей и услышишь ответ из ее уст».

— Почему он тебе нравится?

— Слова какие-то необычные, звучат забавно.

— Это просто старинные слова, — папа взял черновик и перечитал то, что он написал. — Видишь ли, слова со временем меняются: их вид, звучание, иногда даже их значение. У слов своя история, — он провел пальцем по предложению. — Если заменить их другими, то предложение будет звучать по-современному.

— Кто такая «юница»?

— Девушка.

— И я юница?

Папа взглянул на меня и слегка вскинул брови.

— Мне скоро десять исполнится, — напомнила я ему.

— Десять, говоришь? Ну, тогда нет вопросов. Оглянуться не успеешь — и ты уже юница.

— Слова и дальше будут меняться?

Ложка остановилась на полпути к его рту.

— Возможно, но я думаю, если значение слова будет записано в Словарь, оно станет постоянным.

— Получается, вы с доктором Мюрреем можете дать словам любое значение, какое захотите, и нам всем нужно будет использовать их такими вечно?

— Конечно нет. Наша задача — прийти к согласованию. Мы обращаемся к литературным источникам, чтобы понять, как слово используется, потом придумываем ему определение, которое будет общим для всех значений. Это называется научным подходом.

— Что означает то слово?

— *Согласование*? Оно означает, что все согласны.

— Вы всех спрашиваете?

— Нет, умница моя, но вряд ли найдется книга, с которой бы мы не сверились.

— А книги кто пишет?

— Разные люди. Ну, хватит вопросов! Ешь кашу, не то в школу опоздаешь.

Прозвенел звонок на обед, и я увидела Лиззи. Она смущенно стояла на своем обычном месте за школьными воротами. Мне хотелось броситься к ней, но я сдержалась.

— Не показывай им свои слезы, — сказала она, взяв меня за руку.

— Я не плакала.

— Ты плакала, и я знаю почему. Я видела, как они тебя дразнили.

Я пожала плечами и почувствовала, как слезы снова наворачиваются на глаза, поэтому я стала смотреть себе под ноги.

— Почему они тебя дразнили?

Я подняла обожженные пальцы. Лиззи стиснула их и поцеловала, а потом так звучно чмокнула меня в ладошку, что я не смогла удержаться от смеха.

— У половины из них отцы с такими же пальцами, — сказала она.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Святая правда! У тех, кто работает на литейном заводе, ожоги, словно клеймо, трубят на весь Иерихон⁵ об их ремесле. А их малявки — негодяи, если дразнят тебя.

— Но я от них отличаюсь.

— Мы все друг от друга отличаемся, — ответила Лиззи, но она не поняла, о чем я хотела сказать.

— Я как слово *alphabetary*⁶, — пояснила я.

— Никогда такого не слышала.

— Это одно из слов моих дней рождений. Папа говорит, что оно устарело и никто его больше не использует.

— Ты и в классе так разговариваешь? — засмеялась Лиззи.

Я снова пожала плечами.

— У них другие семьи, Эссимей. Они не привыкли говорить о словах, книгах и истории, как ты и твой отец. Некоторые люди чувствуют себя лучше, когда унижают других. Вот вырастешь, и все изменится. Обещаю!

Мы шли молча, и чем ближе подходили к Скрипторию, тем легче мне становилось.

Перекусив бутербродами на кухне вместе с Лиззи и миссис Баллард, я прошла через сад в Скрипторий. Работники доктора Мюррея, занятые либо обедом, либо словами, один за другим подняли головы, чтобы посмотреть, кто пришел. Я тихонько села рядом с папой. Он освободил немного места, и я достала из ранца тетрадь, чтобы выполнить домашнее задание

⁵ Промышленный район в Оксфорде.

⁶ Несопоставимый (*устар. англ.*).

по письму. Когда я закончила, я соскользнула со стула под сортировочный стол.

Листочки не падали, и я разглядывала туфли работников. Каждая пара идеально подходила своему владельцу, и каждая из них имела свои особенности. Туфли мистера Уоррела из тонкой дубленой кожи стояли неподвижно и косолапо, в то время как разношенные туфли мистера Митчелла, напротив, были развернуты носками наружу и без устали притопывали каблучками. Из них выглядывали носки разного цвета. Проворные туфли мистера Мейлинга всегда появлялись в тех местах, где я их совсем не ожидала увидеть. Обувь мистера Балка спряталась под стулом, а туфли мистера Свитмена выстукивали ритм мелодии, которую, как мне казалось, он напевал про себя. Когда я выглядывала из-под стола, на его лице обычно сияла улыбка. Папины туфли нравились мне больше всех, и я всегда рассматривала их последними. В тот день одна туфля лежала на другой, но обе подошвы были повернуты ко мне. Я потрогала крохотную дырочку, которая совсем недавно начала пропускать воду. Туфля качнулась, будто отгоняя муху. Я снова коснулась подошвы, и она застыла в ожидании. Я чуть пошевелила пальцем, и туфля свалилась на бок, сразу превратившись в безжизненное старье. Нога, освободившаяся из нее, принялась щекотать мне руку. У нее это получалось так неуклюже, что я с трудом смогла удержать смех. Я ущипнула большой палец на папиной ноге и отползла в более светлое для чтения место.

Все вздрогнули, когда в дверь Скриптория три раза постучали. Папина нога сразу же нырнула в туфлю.

Из своего укрытия я видела, как папа открыл дверь невысокому мужчине с большими светлыми усами и почти лысой головой.

— Крейн, — представился он, когда папа впустил его внутрь. — Меня ожидают.

Его одежда была ему велика. Наверное, он, как и Лиззи, еще надеялся до нее дорасти. Это был новый помощник доктора Мюррея.

Некоторые работники приходили только на несколько месяцев, но иногда они оставались навсегда, как мистер Свитмен. Он приехал в прошлом году, и из всех мужчин, сидевших за столом, был единственным, кто не носил бороду. Так что я могла видеть его улыбку, а улыбался он часто. Когда папа представлял мистера Крейна остальным мужчинам, он ни разу не улыбнулся.

— А эту маленькую озорницу зовут Эсме, — сказал папа, помогая мне подняться.

Я протянула руку, но мистер Крейн ее не пожал.

— Что она там делала? — спросил он.

— Наверное то, что все дети обычно делают под столом, — ответил мистер Свитмен, и мы улыбнулись друг другу.

Папа наклонился ко мне:

— Эсме, передай доктору Мюррею, что прибыл новый помощник.

Я побежала через сад на кухню, и миссис Баллард провела меня в столовую.

Доктор Мюррей сидел во главе большого стола, а миссис Мюррей — напротив него. Между ними хватило бы места всем одиннадцати детям, но, как сказала Лиззи, трое из них уже вылетели из гнезда. Остальные сидели по обе стороны стола: самые старшие — ближе к доктору Мюррею, самые младшие — на высоких стульях рядом с их матерью. Я молча ждала, пока они прочтут благодарственную молитву. Тогда Элси и Росфрит помахали мне, и я сделала то же самое в ответ. Папино поручение уже казалось мне не таким важным.

— Новый помощник? — спросил доктор Мюррей, когда увидел, как я топчусь у порога.

Я кивнула, и доктор поднялся. Остальные принялись за еду.

В Скриптории папа что-то объяснял мистеру Крейну. Тот обернулся, когда услышал, что мы вошли.

— Доктор Мюррей, сэр, для меня большая честь присоединиться к вашей команде, — мистер Крейн протянул руку и слегка поклонился.

Доктор Мюррей покашлял — хотя это было больше похоже на мычание — и пожал ему руку.

— Эта работа не всем подходит, — произнес он. — Она требует определенного усердия. Вы усердный, мистер Крейн?

— Разумеется, сэр.

Доктор Мюррей кивнул и вернулся в дом, чтобы закончить обед.

Папа продолжил показывать Скрипторий. Всякий раз, когда он объяснял мистеру Крейну, как разбирать листочки, тот кивал и говорил: «Ничего сложного».

— Листочки присылают добровольцы со всего мира, — сказала я, когда папа показывал ему ячейки.

Мистер Крейн хмуро взглянул на меня, но ничего не ответил, и я отступила от него подальше.

Мистер Свитмен положил мне руку на плечо и сказал:

— Однажды мне попался листок из Австралии. Это почти так же далеко от Англии, как другой конец света.

Когда доктор Мюррей вернулся после обеда, чтобы дать мистеру Крейну задание, я не стала их слушать.

— Он здесь ненадолго или навсегда? — шепотом спросила я папу.

— На какое-то время, — ответил он. — Возможно, и навсегда.

Я залезла под стол, и через несколько минут к хорошо известным мне туфлям присоединилась незнакомая пара.

Туфли мистера Крейна были старые, как у папы, но их не чистили уже целую вечность. Я наблюдала, как они старались устроиться поудобнее. Сначала правая туфля легла на левую, затем левая — на правую. В конце концов они обвили передние ножки стула, как будто пытались спрятаться от меня.

Незадолго до того как Лиззи должна была отвести меня обратно в школу, рядом со стулом мистера Крейна упала целая стопка листочков. Папа в шутку заметил, что листочки на букву С стали «слишком тяжелыми для наших возможностей».

Он усмехнулся, как делал всегда, когда был доволен своим остроумием.

Мистеру Крейну было не смешно.

— Их плохо скрепили, — сказал он и, наклонившись под стол, постарался захватить как можно больше листочков одним движением. Он зажал их в кулаке так, что они помялись. Я охнула, а мистер Крейн ударился головой о нижнюю часть стола.

— Мистер Крейн, все в порядке? — спросил мистер Мейлинг.

— Девочка слишком большая, чтобы сидеть под столом.

— Она скоро вернется в школу, — заверил его мистер Свитмен.

Когда мое дыхание успокоилось, а Скрипторий снова грузился в свое обычное шуршание, я ощупала пол. Рядом с начищенными туфлями мистера Уоррелла лежали два листочка. Как будто они знали, что там безопасно и на них никто случайно не наступит. Я подняла их и тут же вспомнила о сундуке под кроватью Лиззи. Я так и не смогла заставить себя вернуть листочки мистеру Крейну.

Увидев Лиззи в проеме двери, я придвинулась к стулу папы.

— Уже пора? — спросил он, хотя мне казалось, что за часами он следил.

Я положила тетрадь в ранец и вышла в сад вместе с Лиззи.

— Можно я кое-что положу в твой сундук, перед тем как пойти в школу?

Я давно не приносила новых секретов, но Лиззи сразу же поняла, о чем идет речь.

— Я все ждала, когда же ты найдешь новые сокровища.

В сундук попадали не только листочки со словами.

В своем шкафу папа хранил два деревянных ящика. Я нашла их, когда мы играли в прятки. Я пыталась залезть подальше

в шкаф, в самую темноту, и угол одного из них больно кольнул меня в спину. Я открыла ящик.

Из-за папиных пиджаков и старых, пахнущих сыростью пла-
тьев Лили в шкафу было слишком темно, чтобы разглядеть его
содержимое, но моя рука нащупала края конвертов. На лестнице
послышался топот, и папа запел: «Фи-фай-фо-фам»⁷. Я захлоп-
нула крышку ящика и придвинулась к центру шкафа. Хлынул
свет, и я прыгнула папе на руки.

Поздним вечером, когда я уже должна была видеть сны, мне
не спалось. Папа все еще вычитывал внизу гранки, поэтому
я выскользнула из кровати и на цыпочках прошла по коридору
в его спальню.

— Сезам, откройся! — прошептала я и открыла дверцы
шкафа.

Я достала оба ящика и уселась с ними под окном спаль-
ни. Сумрачный вечерний свет все еще позволял хорошенько
рассмотреть их. На первый взгляд ящики казались одинако-
выми — светлая древесина, медные уголки, — но один из них
был гладким, а другой — шершавым на ощупь. Я придвинула
к себе полированный ящик и погладила блестящее дерево.
Сотня конвертов, толстых и тонких, сложенных друг с другом
в хронологическом порядке. Его белые письма прижимались
к ее синим. В основном они чередовались, но встречались два
или три белых конверта подряд, как будто папе нужно было так
много о чем-то рассказать, что для Лили уже не имело значения.
Если прочитать все письма от первого до последнего, они бы
рассказали историю их романа, но я знала, что у нее печальный
конец. Я закрыла крышку, не тронув ни одного письма.

Другой ящик был тоже наполнен письмами, но не от Лили,
а от других людей. Они были связаны пачками, и самая тол-
стая связка была от Дитте. Я вытащила самое последнее пись-
мо и прочитала. В основном оно касалось Словаря: о словах
на букву С, которые, казалось, никогда не закончатся, и о том,
что Редколлегия просила доктора Мюррея работать быстрее,

⁷ Первая строчка четверостишия из английской сказки «Джек и бобовый стебель».

потому что Словарь обходился слишком дорого. В конце было написано немного обо мне:

Ада Мюррей говорит, что листочки у Джеймса перебирают дети. Она обрисовала целую картину, как они до поздней ночи сидят за обеденным столом, заваленным горой бумажек. Она даже осмелилась предположить, что Джеймс хотел стать многодетным отцом именно поэтому. Слава Богу, она сохранила здравый смысл и чувство юмора. Я считаю, что без этого работа над Словарем стала бы невыносимой.

Ты должен передать Эсме, чтобы она хорошо пряталась, когда находится в Скриппи, иначе доктор Мюррей ее тоже завербует. По-моему, она достаточно умна, и не исключено, что и сама захочет помочь.

Твоя Эдит

Я задвинула оба ящика в шкаф и на цыпочках пошла по коридору в свою комнату. Письмо тети Дитте я взяла с собой.

На следующий день Лиззи наблюдала за тем, как я достала ее сундук, вынула письмо из кармана и положила его поверх листочков, устилавших дно.

— У тебя уже много секретов, — заметила Лиззи, нащупывая крестик под одеждой.

— Это письмо обо мне, — сказала я.

— Его выбросили или сочли неважным? — Лиззи старалась придерживаться правил.

Я немного подумала и ответила:

— Забыли.

К шкафу я возвращалась снова и снова, чтобы читать письма Дитте. В них всегда было что-то обо мне, какие-то ответы на папины вопросы. Как будто я была словом, а письма — листочками, которые помогали определить мое значение. Я думала, если я их все прочитаю, может быть, во мне появится больше смысла.

Письма из полированного ящика я читать не решалась. Мне нравилось смотреть на них, проводить рукой по конвертам и чувствовать их движение под ладонью. Мои мама и папа были в том ящике вместе, и, засыпая у себя в кровати, я иногда слышала их приглушенные голоса. Однажды вечером я прокралась в комнату папы и, как кошка на охоте, заползла в шкаф. Мне хотелось застать их врасплох, но едва я подняла крышку ящика, они сразу притихли. Ужасное одиночество заставило меня вернуться в кровать и потом мешало мне уснуть.

На следующий день я чувствовала себя слишком уставшей, чтобы идти в школу, и папа взял меня с собой в Саннисайд. Все утро я провела под столом с чистыми листочками и цветными карандашами. Я написала свое имя разными цветами на десяти бумажках.

Поздно вечером я открыла полированный ящик и вложила свои листочки между белыми и синими конвертами. Теперь мы все втроем были вместе. Теперь я ничего не пропущу.

Сундук под кроватью Лиззи стал тяжелеть от писем и слов.

— Ни ракушек, ни камушков, ничего красивого, — сказала как-то Лиззи, когда я открыла сундук. — Эссимей, зачем ты собираешь все эти бумажки?

— Я собираю не бумажки, Лиззи, а слова.

— Но что такого важного в этих словах?

Я и сама точно не знала. Я больше чувствовала, чем понимала. Одни слова напоминали птенцов, выпавших из гнезда. Другие были похожи на ключ к разгадке: я чувствовала, что они важны, но не понимала почему. С письмами Дитте то же самое — они казались частями головоломки, которые однажды сложатся вместе и объяснят что-то такое, что папа объяснить не в силах, а Лили смогла бы.

Я не знала, как рассказать об этом, поэтому спросила:

— Для чего ты вышиваешь, Лиззи?

Она долго молчала: складывала чистое белье и меняла простыню на кровати.

Не дождавшись ответа, я продолжила читать письмо Дитте к папе. *«Ты уже думал о том, что будешь делать, когда Эсме вырастет из школы Святого Варнавы?»* Я тут же представила, как моя голова торчит из дымохода, а руки и ноги — из окон с разных сторон.

— Мне нравится, когда мои руки заняты, — сказала Лиззи, а я уже и забыла, о чем ее спрашивала. — И чтобы чувствовать, что я существую.

— Какая глупость. Конечно, ты существуешь.

Лиззи перестала застилать постель и посмотрела на меня так серьезно, что я отложила письмо Дитте.

— Я убираю, помогаю готовить, разжигаю камин. Все, что я делаю, съедается, сжигается или пачкается — в конце дня не остается и следа от того, что я делала.

Лиззи опустилась на колени и погладила вышивку на моей юбке, которая скрывала заштопанную дырку. Я порвала ее в ку-стах ежевики, а Лиззи ее зашила.

— Моя вышивка всегда будет здесь, — сказала она. — Когда я смотрю на нее, я чувствую, что я... В общем, я забыла это слово. Ну, что я буду здесь всегда.

— Вечная, — подсказала я. — А в остальное время что ты чувствуешь?

— Чувствую себя одуванчиком перед тем, как подует ветер.

Август 1893

Летом в Скриптории всегда было тихо. «Жизнь — это не только слова», — сказал однажды папа, когда я спросила, куда все разъехались, но мне показалось, что он пошутил. Иногда мы ездили в Шотландию к моей тете, но всегда приезжали обратно в Саннисайд раньше остальных. Мне нравилось сидеть под столом и дожидаться возвращения каждой пары туфель. Когда

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

